- Ну, тогда доброго пути! - сказал Чешир.

Джеймс провалился в темноту, а моментом позже открыл веки. Снова, снова лежал он в снегу.

"Вот собака", - проскрипев сквозь зубы, закрыл глаза. Силы покидают тело окончательно и бесповоротно.

Лучи солнца светят в маленькое окно. Под самым потолком, выше тех лучей света поселилась тьма. Все пространство было заполнено антикварной мебелью, которую тронь и развалится, что, впрочем, с большей ее частью уже случилось. Слева у стены была кушетка с одной-единственной резной ножкой. Повсюду, то там, то здесь валялись причудливые инструменты. Супротив окна было чистое открытое карманное зеркальце, а рядом хорошо протертый портрет молодой девушки. За исключением этих двух предметов там было ужасно грязно. В углу той же стены была дверь.

Под звук шагов за ней вскочил из уголка котенок. Увидев выход, попробовал подойти к нему, осматривался. Заметил зеркальце, себя в нем,он впал в оцепенение. Он понял, почему все вокруг такое крупное. Джеймс видел двухвостое, серое животное, с одним красным, вторым бирюзовым глазом. Тот, что был красным, имел круглый зрачок, другой - щелевидный, как и положено коту. Он переселился в тело другого вида, но неудобства или неуклюжести не чувствовалось. Скорее всего, пункт про здоровое тело Чешир выполнил.

В комнату вошел молодой дворецкий, именем Кенир или просто Кён. Он был в стандартном костюме из черного пиджака с карманами без клапанов, белой рубашкой с галстуком боло и брюк. Дори все равно подобрала его совсем маленьким ребенком, сиротой, когда совершала путешествие по континентам. Он выполнял черную работу, но еда была всегда. Когда ему стало пятнадцать, был приставлен надсмотрщиком к сыну госпожи, в момент занятиями науками. Кенир не только "наставлял" ученика, но и обучался сам, веря, что тогда появиться возможность стать слугой, более полезным госпоже Дори. Она назначила его туда, так как он имел поразительное самообладание, и он точно не забьет ее сына. Даже если захочет. После из - за полученных навыков этикета и проставенно-временного управления был переведен в домашнюю слугу. Непомерно чтя своих хозяев, он дослужился до дворецкого. Господин постоянно пропадающий из особняка, любил Дори, и когда та скончалась от чахотки, он, Укуций, впал в уныние, приказав продать или сжечь все ее вещи, какие только нашел. Но зеркальце, с которым она всегда ходила, ее портрет, оставил, убрав с глаз, а пространственные инструменты забрал себе.

Кенир каждые два - три дня приходил и чистил те вещи по собственной инициативе, ведь для него прежняя их владелица была святой, а все что связано с ней - реликвии. И тут какой-то уродливый зверь их оскверняет!? В воздух взлетели откуда-то взявшиеся перочинный и набор сервизных ножей, серебряный поднос, старинный чайник и древняя амфора, с одной сколотой ручкой.

Тут к разгневанному молодому человеку закралась мысль:

- А одобрила ли госпожа это? Она любила животных. Выпущу его через дверь номер три.

Спустя полчаса Джеймс уже лежал на крыше невысокого здания в тени трубы кабака, выходящего на торговую площадь. Погода была жаркой, сильно пекло, а ветра не было. Воздух поднимался, подхватывая неприятные запахи средневекового города. На эшафоте стояли колодки, туда копейщики, если их можно так назвать и мужчины в белой робе поднимали двух заключенных. Вокруг последних крутились камешки с яркими и движущимися светящимися

символами, что были словно пламя. Рядом собралась толпа, в которой туда - сюда снуют дети с мешочками, набитыми вишней, сливами, или яблоками. Когда главные участники действия были закованы, камешки вернулись к одному из сопровождающих. Он их бережно пересчитал, сложил в кошель и заговорил:

- Здравствуйте, народ под покровительством Арсуны! Сегодня мы собрались здесь, чтоб показать, насколько почернела душа главного историка. Он был схвачен в полдень, когда пытался въехать в город. Он пытался обмануть стражу, скрыв то, что он приехал для проповеди! Разграбил места хранения божественных артефактов, некоторые он осквернял, меняя, разбивая, распиливая!

Стих двадцать первый божественного писания: и будет грешен тот, кто ради длани порвет арфу, что держит на струнах мира кровь элементов, живя и сгорая, пока не изменит естественный порядок.

Мы должны выбить беса, пока он полностью не поглотил это, - после этих слов толпа заликовала. Оратор махнул рукой.

- Тише. Давайте сначала я раскажу вам, в чем преступление этого человека. Он утверждал, что посланник бога, Акихито, в сражении с драконом пустоты напрасно превратился в такого - же. Более того, он утверждает, что магия перестройки тела сильно истощила героя, из - за чего он вернулся таким усталым, но без ран.

- Хе! Кто-ж тогда его повалил? - Крикнул кто -то из толпы. На что говорящий с эшафота воскликнул:

- Демон говорит, что его победила спутница героя, Мерфия! Не позвольте взять верх скверне и разорвать вашу связь с богиней а значит и вас. Верьте в свет!

Кто - то из толпы:

- А можно дать ему слово?

- Еретик. Ты обвиняешься в сочувствии демонопоклонникам. Прими наказание или раскайся! Бысьрее, тащите третьи колодки! Не дайте ему уйти!

Толпа расступилась вокруг неверного, но тот упал на колени и громко молил о прощении, кричал, что грех его чуть не одолел. Приказ схватить был отозван, но оковы принесли. Проповедник был доволен, в его глазах читались искорки.

- И приступим к ...

Из толпы:

- А что сделал второй?

- А ... что сделал второй? - повторил ведущий, посмотрел сначала на заключенных, потом на стражника, который только пожал плечами, потом снова на заключенного, и сказал:

- Она будет наказана, так как истина всегда торжествует над преступниками! Нельзя сомневаться в писании!

Из толпы:

- Но второй же старше, да и он у нас работает лека...

- Достаточно, начинаем! Если увидите еще нечистых, действуйте по заветам Арсуны! Еще одни колодки всегда на эшафоте. Мы не можем допустить второго нашествия!

Дальше все пошло как обычно: представители духовенства ушли, стража спустилась с места наказания, а в "еретиков" полетели огрызки, косточки, были даже небольшие камни. После разных нечистот побои досками.

- Как тут делают фарфоровые чашки, если на улице такое? - спросил себя Джеймс. Он не знал о том, сколько миль он преодолел перешагнув порог двери. Как из Города Знаний он попал на древние пустоши, избегая леса При Великом, равнин Гестрейда, гор Ипсеэл, и прочих занимательных мест.

http://tl.rulate.ru/book/17737/363405